

СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ КОНЦЕПЦИИ «НЕПРЕРЫВНОСТИ» РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ

В.И. Меньковский

Минск, Белорусский государственный университет

История российских революционных событий 1917 г. постоянно привлекала и привлекает внимание историков всего мира. Англо-американские исследователи-советологи не были исключением. Для них был интересен и сам революционный процесс, и его влияние на становление и развитие советского общества. Одной из самых дискутируемых проблем в англо-американской академической среде стал вопрос о реализации идей Октября, о реальном воплощении декларируемых принципов, соответствии (или не соответствии) советской практики и революционной теории, об общих и противоположных чертах ленинского и сталинского периодов советской истории.

В классической западной советологии 1950-х – 1980-х гг. сложились две основные концепции советской истории, сохраняющие влияние на мировую историографию до сегодняшнего дня – тоталитарная, в которой ленинский и сталинский периоды рассматривались как части единого непрерывного революционного процесса, и ревизионистская, противопоставляющая сталинскую «революцию сверху» ленинской «октябрьской» (в западной традиции называемой «ноябрьской») революции.

«Теория непрерывности» рассматривала сталинизм как логическое продолжение революции и ленинского этапа советской истории. Сталинизм явился наиболее логичным продолжением ленинизма, его теоретической концепции и политической практики. В основных чертах ленинизм и сталинизм представляли собой единое целое. Так, в сборнике «Преемственность и изменчивость в русском и советском мышлении», выпущенном в Кембридже в 1955 г., Т. Хаммонд писал, что анализ отношений ленинского периода показывает, что, хотя советский авторитаризм достигает крайней формы при Сталине, основа его заложена значительно раньше Лениным. А. Улам, задавая вопрос о том, с помощью какой политической силы Сталин занял господствующее положение в обществе, отмечал, что ответ необходимо искать, прежде всего, в характере большевистской партии в ленинские годы. М. Фейнсод подчеркивал, что Т. Хаммонд и А. Улам приходят к выводу, с которым он полностью согласен: хотя советский тоталитаризм достигает крайней формы при Сталине, его основа была заложена Лениным [1, р. 145, 160, 175].

Идея непрерывности, почти идентичности советской истории, не ограничивалась одним периодом времени или одной областью исследования. Она применялась ко всем сторонам жизни советского общества. Авторы исследовали, например, такие проблемы, как культ вождя или массовые репрессии в сталинские годы, и находили им частичное объяснение в ленинских методах политического лидерства и управления партией. Например, А. Улам считал, что «после своей победы в Октябре коммунистическая партия начала движение к тоталитаризму» [2, р. 48]. Даже Э. Карр и И. Дойчер, не разделявшие антипатию большинства советологов к большевизму и имевшие собственные взгляды на многие аспекты советской истории, соглашались с идеей непрерывности развития ленинского и сталинского периодов. Э. Карр писал о том, что «Сталин продолжил и развил ленинизм» [3, р. 214]. И. Дойчер, несмотря на признание многих «отличий ленинской и сталинских фаз советского режима», считал, что сталинизм «продолжает ленинскую традицию».

Англо-американская литература 1950–1960-х гг. давала огромное количество примеров точки зрения, отмечавшей, что сталинская победа была не победой личности, а триумфом символа, человека, который воплотил и правила ленинизма, и методы их осуществления. А. Мейер писал, что сталинизм может и должен быть определен как образец мышления и действия, прямо вытекающих из ленинизма. Д. Тредголд считал сталинский режим логическим следствием господства однопартийной олигархии, стремившейся строить социализм в стране, которая не была к этому готова. Д. Решетар, находя различия между ленинизмом и сталинизмом достаточно существенными, все-таки отмечал, что они отходят на второй план перед тем, что является общим. Ленин заложил основы, которые были развиты Сталиным и логично завершились «большими чистками», т. е. массовыми репрессиями [4].

Фактором, способствовавшим закреплению теории непрерывности в качестве господствующей в англо-американской историографии, была ее близость к концепции тоталитаризма, остававшейся базовой для западной политической мысли почти в течение 20 лет. Дискуссии, которые возникали при интерпретации советской истории, касались лишь отдельных аспектов, формулировок и не выходили за пределы теории тоталитаризма. В эти годы история и политология были почти едины в англо-американской советологии. В рамках рассматриваемого нами вопроса термины «тоталитаризм» и «сталинизм» для сторонников идеи непрерывности практически слились. Тоталитарная школа поддерживала идею непрерывности в развитии советского общества и внесла свой весомый вклад в поддержку этой идеи в академических кругах Запада. Теоретик тоталитаризма Х. Арндт в 1967 г. оценивала уверенность в неразрывной преемственности советской истории как господствующую тенденцию западного мышления [5, р. 345]. Р. Такер отмечал, что должно было пройти длительное время, прежде чем западные историки пришли к пониманию необходимости анализировать сталинизм не только как следствие ленинизма, но и как самостоятельное явление [6, р. 77].

В 1950–1960-е гг. сталинский период в англо-американской историографии рассматривался скорее единым целым, практически не изменявшимся в течение времени, чем феноменом, имевшим собственную эволюцию. 1930-е гг. оценивались как время, когда большевистская, а не только сталинская система достигла зрелости и завершенности. Западные советологи воспринимали официальную доктрину как идеологию всего населения, зачастую не учитывая существенную разницу между официальной пропагандой и реальной жизнью, а процессы в советском обществе объясняли «внутренней тоталитарной логикой». Внимание в первую очередь фокусировалось лишь на некоторых аспектах советской истории – действиях руководства, государственным и партийном аппарате. Всем этим составляющим сталинской системы находились аналогии в предшествующих периодах советской истории. Так, Р. Слассер писал, что принятие тезиса о том, что ленинская политика напрямую привела к сталинской, вызвала у многих западных исследователей иллюзию, что проблема исторических корней сталинизма уже решена и больше не требует серьезного анализа [7, р. 1393].

В 1960-е гг. безраздельное господство теории непрерывности стало вызывать критические отклики в среде западных исследователей. Дж. Хаф считал первую половину 1930-х гг. «большим отступлением» (термин Н. Тимашеффа). Режим не только преследовал радикальных марксистов, но и отказывался от программ, с которыми они ассоциировались [8, р. 242, 302]. Целый ряд ученых, принадлежащих к англо-американской исторической школе, в той или иной форме отклоняли тезис о непрерывности. Среди них можно назвать Р. Такера, А. Рабиновича, С. Козна, М. Левина. Эти авторы не соглашались с выводом о безальтернативности развития советского об-

щества, концентрировали внимание в своих исследованиях на переломных моментах в истории СССР и большевистской партии. Они признавали, что элементы преемственности между Октябрьской революцией, ленинизмом и сталинизмом существуют, считали это очевидным, но предлагали не ограничиваться констатацией общего, находить не только сходства, но и различия в разных периодах советской истории. М. Левин и С. Коэн, писали с симпатией о большевизме и революции, указывая на базовые расхождения ленинского и сталинского периодов советской истории и считая сталинизм отклонением от правильного пути [9].

М. Левин считал, что историк не должен использовать абстрактное понятие «большевистское (или коммунистическое) мышление», поскольку большевизм прошел стадии в своем развитии, менялся в зависимости от обстоятельств, и этот термин бессмысленно использовать вне исторического контекста [10, p. 73]. Позицию М. Левина, считавшего сталинизм «не столько прямым результатом большевизма, сколько автономным и параллельным феноменом, и в то же время могильщиком большевизма», поддерживал и Р. Дэниелс, писавший, что сталинский режим очень недолго представлял то движение, которое взяло власть в 1917 г. [11, p. 9].

Р. Такер теории непрерывности подверг ревизии именно тот аспект, который казался большинству советологов абсолютно ясным и устоявшимся. Р. Такер подчеркивал существенные отличия советской политической системы в 1930-е гг. по сравнению с предшествующими периодами. Большевистская система, на его взгляд, была однопартийной диктатурой с олигархическим руководством в правящей партии. Хотя в 1930-е гг. политическая система сохраняла многие традиционные для большевиков организационные формы, она базировалась не на власти партии, а на власти личности. Был совершен переход от олигархического партийного к авторитарному вождистскому режиму. Власть продолжала употреблять привычную терминологию – партия, лидер, террор, марксизм, чистки и т. д., но термины принципиально изменили свое реальное содержание.

Р. Такер интерпретировал сталинскую «вторую революцию» через долговременную репрессивную традицию российского государства, рассматривал русских царей, прежде всего Ивана Грозного и Петра I, как исторических предшественников Сталина и создателей модели авторитарного, централизованного, бюрократического государства, в котором репрессивная власть контролировала покорное население [12, p. 23, 55-56].

Такой взгляд принципиально расходился с позицией сторонников тоталитарной теории, которые подчеркивают приоритет других факторов в становлении сталинизма. Так, М. Малиа в книге «Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991» счел необходимым обратить первостепенное внимание на идеологию и политику, а не на социальные и экономические силы для понимания советского феномена. Он писал, что тоталитарная природа коммунизма не может быть объяснена продолжением традиций российского авторитаризма или восточного деспотизма. Коллективистский характер советского общества не может рассматриваться как продолжение российских общинных отношений. С его точки зрения, очень трудно найти взаимосвязи между старой и новой Россией в проводимой большевиками политике. Зато истоки этой политики легко найти в социалистических идеях ленинской партии [13, p. 143].

Подобную точку зрения в 1990-е гг. подтвердил и Р. Конквест, писавший в работе «Сталин: Разрушитель наций», что весь период сталинского пребывания у власти можно рассматривать как череду попыток привести реальный мир в соответствие с идеологическими фантазиями, а затем, когда это не удавалось, попыток навязать убеждение, что фантастический мир все-таки стал реальностью [14, p. 323].

Дискуссия англо-американских исследователей российской революции и советской истории продолжается до сегодняшнего дня. На первый план выходят вопросы о социальной базе революции и большевизма, объективных и субъективных составляющих революционного процесса. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на стремление историков уйти от упрощенных ответов на действительно трудные вопросы. Долгое время советская и западная исследовательские традиции, отличаясь почти по всем аспектам, были едины в одном – убеждении, что каждая из них располагает окончательным объяснением российского (советского) революционного процесса. Советские историки объясняли успех Октябрьской революции исторической неизбежностью и наличием сплоченной революционной партии во главе с Лениным. Западные ученые рассматривали это событие либо как историческую случайность, либо как результат хорошо подготовленного государственного переворота, не имевшего значительной поддержки масс. Однако, как отмечал один из наиболее авторитетных исследователей истории Октября А. Рабинович «исчерпывающее объяснение захвата большевиками власти намного сложнее, чем любая из этих предлагаемых интерпретаций» [15, с. 13].

Новая составляющая современной историографической ситуации связана также с отменой искусственных барьеров, препятствовавших плодотворному общению западных исследователей с коллегами из новых «постсоветских» государств, издании переводов работ зарубежных историков, организации международных конференций, реализации совместных проектов. При этом отметим, что определение баланса между общим и противоположным в истории российской революции является одной из самых сложных проблем, с которыми сталкиваются исследователи советской истории.

Источники и литература

1. Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Cambridge, 1955.
2. Ulam A. The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1963.
3. Carr E. Studies in Revolution. New York, 1964.
4. Daniels R. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960; Meyer A. Leninism. Cambridge, 1957; Reshetar J. A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union. New York, 1964; Treadgold D. Twentieth Century Russia. Chicago, 1972.
5. Arendt H. Comment on Ulam Adam «The Uses of Revolution» // Revolutionary Russia. Cambridge, 1968.
6. Tucker R. Revolution from Above. // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977.
7. Slusser R. A Soviet Historian Evaluates Stalin's Role in History // American Historical Review. 1972. December.
8. Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978.
9. Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution; A Political Biography, 1888–1938. New York, 1973; Lewin M. Lenin's Last Struggle. New York, 1968; Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Development: Bukharin and the Modern Reformers. Princeton, 1974.
10. Lewin M. Stalinism – Appraised and Reappraised // History. 1975. Vol. 60.
11. Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985.
12. Tucker R. The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / Rev. ed. New York, 1971.
13. Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1994.
14. Conquest R. Stalin: Breaker of Nations. New York, 1991.
15. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде : пер. с англ. / Александр Рабинович ; общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. – Москва : Прогресс, 1989.